

The illustration depicts a fantasy scene in a dark, dense forest. Two characters, a man and a woman, are dressed in medieval-style leather armor. The man, on the left, has long blonde hair and is drawing a bow, aiming an arrow at a large, pale, dragon-like creature with glowing orange eyes and a wide, toothy mouth. The woman, on the right, has long brown hair and is holding a sword. In the upper right, a small, blue, horned demon with glowing orange eyes is perched on a tree branch. The background is filled with dark, gnarled trees and swirling, ethereal green and blue smoke or mist. The overall color palette is dominated by dark greens, browns, and oranges.

ЕВГЕНИЯ ШТОЛЬЦ

ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА

ХОЗЯЕВА СЕВЕРА

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Евгения Штольц

**Демонология Сангомара.
Хозяева Севера**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2024

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Штольц Е.

Демонология Сангомара. Хозяева Севера / Е. Штольц — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2024 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214252-1

Граф Тастемара с детьми Йевой и Леонардом покидают замок, чтобы сопроводить Уильяма на суд старейшин в древний город Йефаса. Близится зима, и путникам противостоит не только скверная погода, но и свирепые существа, обитающие в лесах Севера. Вместе с тем Уилл замечает, как близкие по очереди отстраняются от него: граф Филипп становится непривычно холоден, а Йева все чаще не может сдержать слез. Тогда Уильям понимает, что за судом кроется какая-то тайна, о которой ему никто не расскажет до самого последнего дня...

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-214252-1

© Штольц Е., 2024
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2024

Содержание

Глава 1. На суд	8
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгения Штольц

Демонология Сангомара. Хозяева Севера

Штольц, Евгения

Демонология Сангомара. Хозяева Севера / Евгения Штольц. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2024. – (Демонология Сангомара).

ISBN 978-5-00214-252-1

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Евгения Штольц, 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

*Пред тем, как чистоту предать,
Подумай над итогом.
Ведь с сердца грязь убрать
Куда сложнее, чем с порога...*

Глава 1. На суд

Небо над Брасо-Дэнто было затянуто свинцовыми тучами. Беспреданно лил сильный дождь. Изредка он прекращался, давая жителям короткую передышку, а после начинал лить с новой силой, отчего вниз по улицам устремлялись настоящие реки. И горе тому, кто оказывался на их пути! Лишь благодаря уклону город оставался незатопленным, пока в других областях Солрага все плыло: переполненные водоемы выходили из берегов, а сели спускались с гор, разрушая все на своем пути.

За этой тоскливой панорамой Уильям наблюдал из окна спальни. Он вспоминал мамушку, брата и его жену, а также соседей из Больших и Малых Вардов. У мамышки вот-вот должны начаться приступы болезни. Значит ли это, что она не переживет грядущую зиму? Ведь готовить травяные отвары больше никому. Вспоминалась ему и черноволосая Линайя, чей серебряный браслетик покоился в холщовом кошелье. Однако ее образ, эти смеющиеся глаза, в которых плясали чертята, становился все более размытым, а браслет доставался из кошелье все реже. Любил ли он Лину? Или она просто заменила ему Вериятель?

Так он и дальше вспоминал бы свое прошлое, но его размышления прервал стук в дверь. Отворив, Уильям увидел графа.

– Пойдем со мной, – сказал тот и сделал приглашающий жест. – Выдвигаемся утром. Перед долгой дорогой следует поесть.

Они пошли по коридорам, где колыхался мрак. Замок вздрагивал, будто не от стихии, а от энергичных шагов графа. Тот был в походном костюме. Сквозь шнуровку стеганого балахона, доходящего до колен, проглядывала кольчуга, а с левого бока свисала небольшая сумка, где лежали письма, печати и кольца. Уильям и Филипп спустились по мокрым от подземных вод ступеням и прошли общее отделение, на удивление почти пустое. Там сидели всего трое дрожащих от сырости заключенных.

– А почему так пусто? – удивился Уильям.

– Во-первых, мы уезжаем надолго, и здесь остается не так много вампиров. А во-вторых, осенью это отделение тюрьмы подтапливает – и людей косит лихорадка, – ответил ему граф.

Перед входом в черный коридор, где располагались камеры-комнаты, как обычно, дремал охранник. Услышав приближающиеся энергичные шаги, он живо распознал в них хозяина, поэтому подскочил и отвесил глубокий поклон.

– Сколько там? – спросил Филипп.

– Осталось трое, в дальней! – ответил стражник.

Филипп и Уильям прошли коридор до самого конца, ступая сапогами по тонким лужам. Граф откинул засов и распахнул обитую ржавым железом дверь. Изнутри пахло заплесневелой влагой и человеческим духом. Это было все то же узилище, где прежде находилась троица братьев-насилльников, и, как тогда, вдоль стен на подстилках сидели трое мужчин в кандалах.

– Лугос? Право, не ожидал вас здесь увидеть, – удивился граф, вглядываясь в угол.

Пожилой мужчина, которого назвал граф, вскинул голову и тяжело поднялся с лежанки. Его плечи укрывал дорогой плащ из синего сукна, который выдавал в нем весьма состоятельного человека.

– И вам здравствуйте, господин Тастемара.

Понимая, что такому обеспеченному горожанину здесь не место, Филипп вернулся в коридор, где достал из-за прикрепленной к стене доски сырой пергамент.

– Ах вот оно что... – произнес он, вчитываясь. – Как же вы так, уважаемый Лугос, не смогли сдержать себя в руках?

– Я и не собирался держать себя в руках, – мрачно буркнул купец, смахивая лишь ему видимые пылинки с плеча. – Узнай вы о том, что ваша жена изменяла вам пару десятков лет с вашим торговым компаньоном, а потом еще и понесла от него, выдав рожденного ублюдка за вашего сына, – вы б не закололи ее?

– Кто знает. Но мальчика-то за что?

– Потому что он не мой сын! Угробить двадцать лет, чтобы одеть, обуть, уму-разуму научить и купить дом у Вороньего камня. Да кому! Сыну того, кого называл другом! А я ведь верил этой блуднице, хотя и видел, что Обрахам не похож на меня ни капли! Эти женщины – подлые существа!

– Ох, Лугос, Лугос... – пробормотал задумчиво Филипп, вкладывая сырой лист бумаги обратно в деревянный карман. – С таким талантом к торговле, с таким умом и дальновидностью – и столь недалновидно окончить свою жизнь в тюрьме, убив собственную жену, сына, пусть и неродного, и зарубив торгового компаньона...

– Будь у меня выбор, я бы убил их всех снова! Одного не понимаю, – и купец нахмурился, – почему моя голова до сих пор не скатилась с плахи? Смертный приговор должны были привести в исполнение два дня назад. Я обращался к тюремщику, но он глух и туп. А когда вы явились сюда, я уж было решил, что оправдан вами, своим покровителем... Но, кхм, оказалось, вы даже не в курсе, что я заточен здесь... Так почему я еще жив?

– Это мы сейчас поправим, – вполголоса заметил граф.

Потом обернулся к своему подопечному.

– Уильям, бери правого! – показал он на одного узника, а сам направился к другому.

Дальше Уильяму осталось лишь вздрогнуть, потому что в движениях графа не было промедления. Едва различимый глазу в этом мраке, он в мгновение оказался рядом с ничем не понимающим заключенным, хищно выкинул вперед руку – и тот тут же отдал Ямесу душу. Смерть пришла тихо, расчетливо, и, быть может, это было лучшим ее даром. Филипп притянул к себе не успевшую даже вскрикнуть жертву, чья голова неестественно свесилась, и так же неестественно навис над ней. Его почерневшие глаза укрылись за седыми волосами. Пил он без промедления, не находя за свою столь долгую жизнь в этом уже ни игры, ни сладкого удовольствия, а только сухую необходимость.

В узилище стояла тишина.

Лишь позже Уильям сообразил, что для человеческого глаза все происходившее осталось незамеченным. Узники удивленно глядели на две странно застывшие во тьме фигуры, пока до них наконец не дошло, что происходит. Купец Лугос сдержанно смолчал, смертельно побледнев, а второй истошно и протяжно завыв от страха, как чувствующая гибель собака, –

и этот вой показался Уильяму оглушающе неприятным. Будто он прокатился по всему замку, залетел в каждую комнату, вылетел в окно и полетел в город, рассказывая обо всех ужасах, что творятся в подвалах. Желая заглушить этот страшный звук, Уильям в замешательстве кинулся к воющему и попытался вслед за графом принести узнику такую же скорую смерть. У него вышло лишь отчасти, и в конце концов, после непродолжительной, но неуклюжей борьбы, он все-таки присоединился к трапезе, невольно впитывая вместе с кровью и воспоминания.

Остался только один Лугос. Вжавшись спиной в стену, он в безмолвии наблюдал за действиями двух вампиров. У него дрожали руки, по лбу стекал холодный липкий пот, но вздрогнул он лишь тогда, когда тело первого простолюдина шлепнулось на солому. Бледный, с окровавленным ртом граф повернулся к нему и глянул из-под бровей.

– Я давно полагал, что ваше долголетие... это результат сделки с демоном Граго... – дрожащим голосом проговорил купец, но продолжил стоять ровно, стараясь не показать страха. – С тем демоном, который дает золото, бессмертие, любовь или еще что-нибудь в обмен на душу. Теперь я вижу, что вы и сами демон... Полагаю, я следующий?

– Да, вы следующий, – сказал граф. Достав платок, он вытер кровь с губ. – Но это сделаю не я...

На пол упал второй крестьянин, иссушенный до последней капли. Шатающийся Уильям привычно вытер губы рукавом, стараясь не глядеть на графа и уж тем более на оставшегося Лугоса, который упоительно пах кровью.

– Он твой, – негромко сказал Филипп.

– Я сыт, господин Тастемара... – неуверенно ответил Уильям.

– Нет, одного тебе мало, потому что мы сможем поесть лишь через неделю в поселении рядом с границей Глеофа, – качнул головой Филипп. – К тому моменту, если сейчас не напиться, ты начнешь недобро посматривать в сторону моих гвардейцев. А мне это не нужно. Пей!

Уильям и Лугос переглянулись. Чувствуя, как в узилище пахнет кровью, как поднимается приятное чувство ненасытной жажды, Уилл сделал все быстро. Ему понимающе поддались... Купцу стоило отдать должное... Попытки помешать начались, когда человеческие выдержка и храбрость уступили мимолетной надежде ухватиться за последний выступ жизни, нависающий над пропастью забвения. Однако Лугос не смог долго противиться, как бы того ни желал... Его обессиленные пальцы разжались – и он рухнул во тьму...

* * *

Чуть позже граф протянул идущему за ним вампиру чистый платок. Они возвращались. Уильям начал замечать, что эти подвалы все меньше пугают его и все более становятся неприятно привычными.

– Ты видел воспоминания? – спросил граф, когда они вдвоем поднимались по ступенькам назад.

– Видел.

– И как ты считаешь, Лугос был прав, когда убил трех людей?

– Тяжело сказать, господин. То, что он узнал, стало для него таким большим ударом, что потребовало неотвратимого наказания. Он верил, что поступает справедливо, причем верил всем сердцем.

– А что думаешь ты? – слегка улыбнулся Филипп. – Как сторонний наблюдатель?

– Похоже, я стал бездушным, – грустно вздохнул Уильям. – В этой плохой истории мне жалко только сына. Он же не виновен в том, что был рожден от другого отца. А в глазах купца он один из негодяев! Это все так непонятно, господин... Даже те бунтари, которые думали,

что делают как лучше, сами обрекли на смерть от виселицы множество крестьян... Мир оказался таким... – Он замаялся, не зная, как объяснить. – Таким, что, наблюдая его глазами других, я обнаруживаю, что белое видится некоторым черным, а черное – белым.

– Это не бездушие, – тепло посмотрел на рыбака Филипп. – Просто тебе открывается, что мир действительно весьма непросто. Что ты мог узнать о мире в своих Варддах, кроме предрассудков? Ровным счетом ничего. Пару месяцев назад ты бы отчаянно жалел всех жертв Лугоса только потому, что они жертвы. А сейчас ты уже пытаешься добраться до истины, пусть и неуклюже. Ох, помнится, старина Гиффард всегда мог мастерски растолковать любую ситуацию.

Уильям промолчал. Он шел позади старого графа и касался сочащихся влагой стен. В голове мелькали воспоминания двух убитых, и рыбак от этого вздыхал.

– Знаете, господин... Я много думал о том, зачем Гиффард так поступил. Ну, передал дар...

– И?

– Я не могу ничего понять. Разве не нашлось кого-то поблагороднее? Ведь он мог постараться отползти, скрыться, раз уж бессмертен, и передать бессмертие кому-то другому. Но отдать дар мне, простому рыбаку не из благородного рода... Кажется, он пытался мне что-то объяснить. Но я так жалею, что не услышал все до конца, – сказал Уильям, отчего-то чувствуя стыд.

– Я тоже постоянно думаю о том, что сделал Гиффард... – признался Филипп, а затем перевел неудобный разговор в другое русло: – Ну, если ты теперь глядишь на некоторые ситуации иначе, скажи-ка мне: будь у тебя возможность все изменить, ты оставил бы мать и убежал от вурдалаков, пока те тебя не истрепали?

– Нет! – последовал резкий ответ.

– Почему? Разве твоя жизнь, жизнь молодого мужчины, если смотреть объективно, не важнее жизни старой женщины, которой и так осталось от силы пару лет? Попробуй порассуждать об этом здраво. – Филипп развернулся и посмотрел Уиллу в глаза.

– Это же семья, господин! – пробормотал в ужасе Уильям. – Как можно даже рассуждать о том, чтобы предать своих близких ужасной смерти? Что это, как не предательство?

Граф Тастемара ничего не ответил и зашагал дальше. Вскоре ступеньки кончились, и двое вампиров поднялись из подвала. Брасо-Дэнто еще не тронул рассвет, и дождь продолжал заливать город, утопающий во мраке. Залы замка были пусты, многие слуги спали в своих постелях, и лишь конюхи заботливо готовили коней для господ.

* * *

Внизу собралась вся прислуга.

Пока остальные прятались в глубинах зала от проникающего между приоткрытых створок ветра, Уильям переминался с ноги на ногу около двери. На нем был надет черный гамбезон – длинная, до колен, и очень плотная верхняя одежда из нескольких слоев ткани. Увидев графскую дочь, он коснулся пояса, где были подвязаны пустые ножны, и тихо засмеялся:

– Не пойму, зачем мне ножны, если не дали меча.

– Тебе просто выдали один из перешитых под тебя костюмов отца. Снова эта воронья вышивка. Ну и ножны в придачу, – натянуто улыбнулась Йева.

– А почему ты тоже одета как в дорогу?

– Я поеду с вами, – опустила глаза девушка.

– Так это же замечательно! – обрадовался Уильям.

– Да... но погода совсем скверная. Может, лучше сейчас не ехать... Может, и не нужно ехать вообще... – Она прикусила язык, оборвала разговор и ушла.

Уильям непонимающе смотрел, как Йева отошла к своему брату и встала рядом, с наигранным интересом следя за Таки-Таки – ворон сипло каркал и требовал тепла.

В зал бодрым шагом вошел сэр Рэй Мальгерб. С него ручьями стекала вода. Снаружи продолжал биться в неистовстве ливень, пытаясь затопить замок, и многие присутствующие радовались, что остаются. поприветствовав кого следует, рыцарь заметил обвитую плащом фигурку дочери графа и устремился к ней. Он со страстью припал губами к ее ручке.

– Откуда в вас столько сил? – с теплотой поинтересовалась Йева.

– Увидел вас, госпожа, сразу силы и появились! – Лицо рыжеволосого мужчины озарила улыбка, сверкнули белоснежные ровные зубы. – А до этого был как мокрая рыбина, которую выбросило на берег! Но отчего вы сами в таком печальном расположении духа? Неужто из-за неподобающей погоды?

– Да, погода не располагает к поездке...

– Не располагает, дочь моя, но мы заложники ситуации, – сказал спускающийся по лестнице граф. – Сэр Рэй, все готово?

– Конечно, господин! – поклонился рыцарь, гремя доспехами. – Двенадцать гвардейцев, включая меня и моего оруженосца, готовы к отправлению!

Наступило время отправиться в путь.

Граф строго оглядел всю прислугу.

– Надеюсь, вы не развалите замок за время моего отсутствия, – обратился он к своим помощникам, хотя его синие глаза улыбались.

– Господин, да как вы так можете говорить про нас?! Мы ваши глаза и руки, а когда они вас подводили? – шутливо возмутился казначей Бромгот и снял с себя смешную шапочку с пером ворона.

– Я присмотрю за своим внуком... Сколько смогу... – старик Него скромно вышел вперед.

Филипп смерил взглядом бывшего управителя и вслушался в его трепыхающееся, как у воробья, сердце. Него Натифулус дышал с большим трудом и за пару дней сильно иссох: глаза и рот впали, скулы заострились, придав ему печальное сходство с трупом. Грустно улыбнувшись, граф подошел к старику и ласково приобнял его, погладив по спине. Толпа вокруг замерла в непонимании.

– Спасибо тебе за все, мой друг, – хрипло произнес граф.

– Все вы знаете и чувствуете, мой господин. – Измученная улыбка тронула губы Него. – Прощайте, господин. Я был рад служить вам!

Держась за поданную руку внука, бывший управитель отошел от графа и смахнул набежавшую слезу. Все поняли, о чем шла речь, и опечалились. Филипп развернулся и быстро ступил под дождь, а за ним последовали его дети и длинноногий Уильям. Понимая, что больше не увидит доброго старика, Йева не выдержала и мягкосердечно, по-женски расплакалась.

В большом дворе отряд из девятнадцати человек, семеро из которых были не совсем людьми, принялись взбираться на лошадей. Вороной конь графа, пугающий своими размерами, возбужденно бил копытом по земле, и Уильям настороженно косился на него. Но, к счастью, к нему подвели уже оседланную серую кобылку, самую спокойную из всех, отчего он выдохнул с облегчением.

– Сэр Рэй, выдайте нашему гостю оружие, – вспомнил уже восседающий в седле Филипп. – Негоже с пустыми ножами отправляться в путь!

– Да-да, вы правы, запамятовал! – извинился рыцарь и передал замотанный в ткань меч из оружейной палаты замка.

Уильям растерянно развернул мокрый сверток и осторожно вынул меч за рукоять, будто змею за хвост. Только со второго раза он смог попасть в тугие ножны, отчего всадники вокруг заулыбались. Все заметили его неумелость.

Сэр Рэй нахмурился.

– Вы что, впервые держите меч в руках? – спросил он. – Клинок рядом с гардой обычно не затачивают, так что могли бы спокойно взяться за лезвие.

Леонард громко рассмеялся. Он поправил притороченный к седлу лук и воскликнул, чтобы перекрыть шум дождя и донести до всех:

– Он больше по удочкам, сэр Рэй!

В толпе солров послышались грубые смешки.

– Довольно! – рявкнул граф и направил коня к воротам, где охрана уже поднимала железную решетку.

– Да, я раньше никогда не держал меч, – смущенно пробормотал Уильям и мягко подтолкнул кобылку пятками.

Длинная вереница всадников покинула внутренний двор замка. И хотя по улицам зло устремлялись ливневые потоки, а черепичные крыши гремели от дождя, некоторые горожане выбегали на улицу наспех одетыми. Темно-зеленая попона с распростершим крылья вороном украшала графского мерина, и когда люд узнавал ее, то по всей толпе прокатывался восторженный гул.

В авангарде двигались шесть человек сопровождения вместе с сэром Рэем и его оруженосцем. В центре был старый граф, за ним – его сын, а еще дальше, почти поравнявшись, ехали Йева и ерзающий в седле Уильям. Замыкали хвост гвардейцы и слуги: Эметта и двое замковых поваров.

Косой дождь лил без остановки, и отряд кутался в плащи, предчувствуя тяготы долгого пути. Резко налетевший ветер, разыгравшийся на равнине, как конь на воле, срывал капюшоны, поэтому приходилось их придерживать. Под копытами бурлили грязевые потоки. Отряд проехал по мощеной Парадной улице и покинул город. Всем открылся врытый сбоку от высоких ворот тотем Ямеса – выдолбленное в камне старческое лицо, грозно сдвинувшее брови.

Неумело управляя лошадкой, Уилл с любопытством взгляделся в это недовольное лицо, а затем заторопился, чтобы не мешать едущим позади. Всех остальных тотем мало интересовал.

Они двинулись по широкой дороге, пролегающей между жмущихся друг к другу поселений, через бесчисленные поля, где уже давно сняли урожай. Жирная черная земля сливалась с небом, и все вокруг выглядело уныло. Прижимаясь к гриве пытящей кобылки, Уильям кое-как разглядывал гвардейцев. Высокие, крепкие как на подбор, они облачались в сияющие нагрудники поверх подлатников, закрывающих колени. Головы их защищали легкие конусообразные шлемы в виде полумаски, а плечи – несколько пластин, крепленных друг к другу внахлест. Поверх доспехов были надеты плащи черного цвета. Питая особую любовь к символу своих земель, ворону, воины украшали смоляными перьями все подряд, в том числе уздечки своих коней. Крепленные к седлам сбоку круглые зелено-черные щиты тоже несли на себе символ этой мудрой, по мнению солров, птицы.

Видя повсюду перья своих братьев, ворон, ехавший под плащом Леонарда, недовольно закаркал:

– Перья! Негодяи!

Все вокруг рассмеялись, и ненадолго тягостное ощущение от непогоды рассеялось, чтобы вскоре сгуститься вновь. Обернувшись на удаляющийся город, Уильям вздохнул в предчувствии скорого разрешения своей судьбы. Несмотря на дождь и слякоть, он воодушевленно представлял, сколько же всего его ждет в пути. И вот, поерзав в седле с непривычки, он готовился к долгой дороге.

* * *

Отряд находился в пути весь день. Дождь поутих только ближе к ночи. Гора, у которой лежал Брасо-Дэнтто, осталась далеко позади, на северо-западе, а ее мрачный силуэт терялся в сгущающихся красках наступающих сумерек. Перекусившим ячменными лепешками воинам хотелось нормально поужинать, покормить коней и улечься спать, поэтому на ночлег все остановились в попутном Ферранте. Наутро все, выспавшись, набрали в Ферранте провизию и отправились дальше по размытому тракту.

Уильям вывел свою серую кобылку из денника. Совершенно не умеючи, кое-как он оседлал ее и перебросил седельную суму через заднюю луку.

Из небольшого города они попали на широко раскинутый луг – из-за разлива реки он превратился в пойму. Из разговоров гвардейцев, которые часто выезжали с графом и потому знали все ближайшие окрестности, Уильям понял, что на протяжении нескольких дней им придется ночевать под открытым небом. День постепенно истончался, а тучи иной раз расходились – и тогда можно было скинуть капюшон и осмотреться. Впрочем, смотреть было особо не на что. Кони брели по приподнятой над землей дороге, а справа и слева от них раскинулись озера, в которых отражались хмурые тучи.

Когда стало темнеть, сэр Рэй подъехал к графу.

– Господин, впереди Белая Бетса, – сказал капитан. – Затем мост, а перед ним – высокий холм. Давайте остановимся на ночлег на этом холме, чтобы не спать в луже.

Граф не отвечал, рассматривая мутные речные воды.

– Если нет, то можно устроиться на ночлег и за мостом, – продолжил капитан, думая, что господина что-то не устраивает.

– Ждите здесь, – после минутных раздумий ответил Филипп. Затем он направился к волочащемуся в хвосте Уильяму. – Ну как, освоился в седле?

Уильям довольно кивнул.

– Хорошо, следуй со мной.

Без лишних слов Филипп движением пяток ускорил коня, который сошел с дороги и побрел по жухлой мокрой траве, порой проваливаясь по колено в грязную жижу. Чтобы не отставать, его спутнику пришлось ласково поторопить свою серую кобылку, и она, повинувшись, затрусила следом. Чем ближе они подъезжали к реке, тем беспокойнее граф вглядывался в окрестности.

– Вы чем-то встревожены? – спросил Уильям.

– Это старая дорога, – ответил Филипп. – И осенью мало кто по ней путешествует, так что нужно быть настороже.

– Но в чем опасность, если нет людей?

– Тебе ли не знать, Уильям, – сказал граф, едва улыбаясь. Он подъехал к берегу реки и остановился. – Там, где нет людей, обязательно будет кто-нибудь другой. Многие демоны предпочитают первородные земли. Им не по нраву города и поля, а также наши сады. Нужно убедиться, что ничто или никто не выскочит на нас из реки.

Уильям тоже оглянулся. Они остановились на грязевом берегу крупной из-за паводков реки, которая обычно имела белую воду, за что ее и назвали Белой Бетсой. Сейчас же вода была мутна из-за грязи, песка и ила, а вокруг раскинулись бескрайние равнины, где местами возвышались одинокие и чахлые деревца. Помимо скудной природы, здесь ничего не было, а если бы и было, то точно не осталось бы незамеченным.

– Вроде ничего страшного, – тихо заметил Уильям.

– Вроде да... – пристально взглянул на него граф.

Они начали возвращаться к поджидающей группе, и граф дал добро на бивуак. Пока гвардейцы занимались обустройством, Йева и Леонард, понимающие, зачем их отец отправился к Белой Бетсе в сопровождении рыбака, смотрели на него с нетерпением. Тот незаметно для молодого Уильяма пожал плечами: кельпи не появилась.

* * *

Ближайшие куцые деревья срубили, прислуга достала утварь и, с трудом разведя огонь на сильном ветру, поставила котелок на треножник. Внутри полетели лук, зерно для похлебки. Сидевшая на лежанке Эметта подшивала оторвавшуюся с плаща Леонарда фибулу, недовольно поджав губки: ветер трепал ее работу, зло раскидывал длинные мышинные волосы. Йева сидела на берегу на камешке и любовалась закатом – скудным и унылым из-за далекой тучи, перекрывающей солнце. Туча стремительно приближалась, всем своим видом грозя затяжными дождями.

Уильям расседлал серую кобылку и тоже глядел на горизонт, не находя себе занятия. Здесь, в отряде, каждый знал свое дело, и лишняя помощь могла оказаться помехой. Вскоре к нему подошел сэр Рэй, который остался в красном подлатнике и даже без доспехов напоминал медведя.

– Вы вроде рыбак? – осторожно спросил он, поскольку поначалу считал, что Уильям вырос в зажиточной семье, но шутка графского сына заставила его усомниться.

– Да.

– Пойдемте со мной.

Когда они пришли к берегу, рыцарь показал на удочку.

– Я сказал прислуге взять удочку, чтобы мы не жрали в дороге одни лепешки да вяленое мясо, – принялся бурчать он. – Но что я делаю не так, а? Чертову наживку прикрепил. Что этой треклятой рыбе еще нужно?

– Хм... – задумался Уилл. – Врать не буду, в таких спокойных водах я ничего не ловил и не ведаю, какая рыба здесь водится. Но предположу, что ее неплохо было бы подкормить.

– Чем? Или скорее как? Видите, как далеко приходится кидать удочку, – у берега слишком мелко из-за разлива!

Попросив капитана немного подождать, Уильям побежал к поварам. Осмотревшись на месте стоянки, он подобрал холщовый мешочек из-под лука, затем полез к котлу, над которым колдовали двое слуг, споря насчет приправ. Прислуга почтительно расступилась. Молодой спутник графа взял из рук одного деревянный черпак, нагреб в мешочек немного разваренной пшеницы, затем скрутил его.

Вернувшись к капитану, Уилл передал ему импровизированную прикормку.

– А я как-то и не додумался... – Рыцарь почесал затылок.

Мешочек со шлепком плюхнулся в реку.

Чуть погодя, после разрешения рыбака, сэр Рэй закинул удочку в указанное ему место. Мужчины нахмурили брови и настойчиво глядели в воду, как охотники, поджидающие добычу.

Прошло несколько минут. Наконец удочка дернулась, и рыцарь резко потянул на себя. На крючке извивалась серебристая толстотелая рыба.

– Давайте еще! – сказал Уильям.

– Сколько же их там! – азартно воскликнул рыцарь. Чуть дальше по течению бурлила вода – рыба поедала прикормку.

Пока решивший развлечься капитан и Уильям вылавливали одну рыбину за другой, забавляясь, за ними внимательно следили. Стоящий на отдалении, на пригорке, Филипп задумчиво переводил взор то на темную реку, то на рыбака. К нему изящной походкой подошел сын и презрительно ухмыльнулся:

– Ну и где его хваленая кобылица?

– Еще не вечер, Леонард, – заметил граф Тастемара. – В любом случае мы живы и целы, так что если он и сказал правду, то вряд ли нам что-нибудь угрожает. А если соврал... что же, тогда нам тем более ничего не угрожает.

Между тем сумерки сгущались.

– Ничего себе, – восхищенно говорил рыцарь, доставая уже седьмую по счету рыбину. – Нужно будет в Брасо попробовать так половить – на зерно.

– Там течение стремительное. Оно быстро унесет прикормку, – улыбнулся Уильям такому понятному, на его взгляд, факту. – В горных реках вода прозрачная, и рыба там сильная... быстрая. Если она увидит опасность, может не взять наживку. Ловить ее нужно иначе.

– Целиком согласен! – Сэр Рэй подскочил с корточек и сгреб пойманную рыбу. – Похоже, сегодня с наваристой ухой мы припозднились, но вот завтра нас с вами ждет славный завтрак.

– Похоже на то, – улыбнулся Уилл, готовый уйти.

– Подождите, подождите, не торопитесь! Послушайте, если у вас будет желание, то я могу поучить вас фехтовать. – Рыцарь замялся, не зная, как бы деликатнее объяснить. – Все-таки путь предстоит тяжелый – и всякая дрянь может произойти.

– Я буду благодарен вам, сэр Рэй. Правда, боюсь... это будет скорее не учебой, а посмешищем.

– Понял вас! Тогда предлагаю тренироваться где-нибудь за холмами.

– Хорошо, спасибо...

– На здоровье! Начнем прямо с завтрашнего вечера.

Покидав рыбу в мешок, капитан присел на лежак подле трещавшего искрами костра. Оруженосец передал ему деревянную миску с похлебкой, и сэр Рэй быстренько с ней разделался. Закусывал он ячменными лепешками и вяленным мясом, взятыми из Брасо-Дэнто.

В потемках все громко стучали ложками по дну посуды, выгребая и выпивая все досуха. Только Филипп, его дети, Уильям и трое слуг сидели, укутавшись в плащи, и смотрели на голодных воинов. К еде они не притронулись. Затем со стороны сытых гвардейцев слышались традиционные молитвы и восхваления Ямеса за предоставленный ужин.

Свалив посуду в кучу, все разошлись по лежанкам, укрылись плотными стегаными льяниками и тут же провалились в сон. Слуги перемыли в реке деревянные миски с ложками, вычистили чугунный котелок и присоединились к спящим. Только два дозорных, расхаживая, караулили отдыхающий отряд. Леонард и Эметта лежали подле друг друга под одним широким льяником, а Йева свернулась калачиком на соседней с графом подстилке. Один Уильям бросал тоскующие и долгие взгляды в сторону реки. Время от времени ему казалось, что на него смотрит бодрствующий Филипп, но в конце концов и граф решил подремать, укрылся льяником и вроде бы впал в забытие.

* * *

Уильям выждал, поднялся, бесшумно переступая через спящих вокруг затухающего костра людей, и покинул лагерь... Затем он спустился с холма и зашел за другой, покряжистее, чтобы исчезнуть из поля зрения часовых.

Вдоль бережка он неспешно шагал четверть часа, пока не остановился. Ночь дышала сырой осенью. Тихая гладь разлившейся из-за паводков реки была сродни зеркалу, и ничто не нарушало красоту отражающихся луны и звезд. Лишь изредка налетал хозяйничающий на этих просторах ветер – и тогда по воде пробегала недолгая мелкая дрожь, однако спустя миг красота разравнивалась и вновь застывала.

– Вериятель, – шепотом позвал мужчина.

Где-то у берега вдали плеснула рыба.

Тишина.

– Вериателюшка... – позвал Уилл чуть громче.

Он начал беспокоиться, что кельпи не явится. Его угнетала эта долгая разлука. Разочарованный Уильям хотел уже было подняться с валуна и вернуться в лагерь, как в середине реки забурлило.

Из сомкнутых вод, будто по ступеням, выбралась темно-мышастая кобыла. Она медленно побрела к берегу, качая большой головой из стороны в сторону. Кельпи шла по лунной дорожке; ее глаза тоже светились желтой луной, хвост подрагивал, а копыта касались воды, словно земли. Наконец она сошла на каменистый берег, повернула к зовущему морду, и на него уставились ясно-голубые глаза.

Уильям словно вернулся в детство. Счастливый, он подбежал и обнял морду кобылы, поцеловал ее в красивый лоб, погладил по бархатистой шее.

– Ты не представляешь, как я скучал! – ласково произнес он, прикрыв глаза. Он вдыхал илистый теплый запах, что был для него таким родным.

Вокруг него задрожал воздух.

Шею рыбака обвили вечно холодные ручки, отчего его гамбезон сразу же отсырел. Уильям открыл глаза и увидел смеющееся лицо Вериатели. Он приобнял ее за худенькую талию, и тут даже его рукава сделались мокрыми от серого платишка, которое никогда не было сухим. Истосковавшись по ней за долгие полгода, он ласково посмотрел на нее и поцеловал – на губах остался привкус тины.

– Ты знаешь, – начал рыбак. – Столько всего произошло с той поры, когда ты спасла меня у озера!

От этого Вериатель рассмеялась и с фырканием вырвалась из сплетенных вокруг нее объятий. Вскидывая ножки, на которых красовались сандалии с ленточками, она весело заплясала. Еще некоторое время кельпи совершала свой дикий, необузданный, никому не понятный танец, по которому ее избранник понял: она радуется. Затем Вериатель так же резко замерла. Довольно тряхнув черными как смоль волосами, словно это шелковистая грива, она обернулась.

Гладь реки вновь заволновалась, и из воды на поверхность стали подниматься другие кельпи. Удивленный Уильям наблюдал, как сначала одна лошадь, юная, с лоснящимися черными боками и длинной гривой, подставилась под звезды. За ней показалась вторая, белоснежная и крупная, – жеребец, – он последовал за кобылой. Потом из темных глубин возникла третья голова, четвертая и, наконец, пятая. Грациозно покачиваясь, пять лошадей выбрались на берег и двинулись в сторону пары. Они шли немного боком, склонив головы, и глядели на чужака подле их сестры, а в их умных глазах так же призрачно светила желтая луна.

Уильям сделал шаг назад. Но Вериатель удержала его за руку, и он остановился, потому что доверял ей.

Прекрасные кони, все как на подбор величавые и гордые, подошли и стали обнюхивать рыбака, не касаясь его. Юная кобыла, черная как ночь и только вышедшая из возраста жеребенка, приблизилась и тряхнула мордой. Она шумно втянула воздух, потом чуть приподняла хвост и наострила уши. Затем радостно-весело заржала. Сделав еще шаг вперед, кобыла потерлась о ладонь Уильяма. Затрещало, и в воздухе скользнула голубая искра – такая же, как много лет назад на Сонном озере... Уилл погладил эту кобылу за холкой, отчего она фыркнула и склонила шею.

Вериатель отчего-то довольно рассмеялась, словно эта встреча пришлась ей по душе. Она прыгнула в сторону и в один миг перевоплотилась в темно-мышастую лошадь.

Остальные кельпи, которые растеряли всякий интерес к вампиру после обнюхивания, развернулись и стали медленно возвращаться к воде. Вороная и темно-мышастые кобылы, пританцовывая, заржали, попрощались, потрясли гривами и последовали за ними. Заворожен-

ный Уильям смотрел, как все кельпи перешли на грациозную рысь и поскакали по глади реки дальше по течению. Время от времени какая-нибудь из них игриво ныряла в воду и выскакивала сбоку от другой лошади, обдавая брызгами, на что та отвечала веселым ржанием.

Тут же резко похолодало. Темная туча начала напозать на луну и россыпь звезд; поверхность реки почернела, и кельпи пропали где-то во мраке, который уже не мог раздвинуть даже взгляд бессмертного.

Уильям присел на каменистый берег и, потирая пальцы, задумался о вороной кобыле. Неожиданно за спиной что-то тихо хрустнуло...

Рыбак резко обернулся. На вершине холма, пригнувшись, стоял старый граф Тастемара. Возвращаясь на бивуак, он по неосторожности наступил на ветку, скрытую сгнившей травой. Понимая, что раскрыт, он спустился по мокрой земле к Уильяму.

– Извини, не удержался, – как-то неловко, впервые за долгое время смутившись, произнес он. – Я знал, что ты пойдешь звать свою кельпи, и мне захотелось увидеть это собственными глазами.

– Но вы же спали... – широко улыбнулся Уильям.

– Это был тактический прием, – лукаво ответил Филипп и уселся рядом.

Они оба в молчании уставились на черную гладь реки, завернувшись в теплые плащи. Каждый размышлял о своем, никому не хотелось нарушать это мимолетное очарование увиденного, пока граф не произнес тихо:

– Я и не думал, что когда-нибудь увижу их еще... Такое чувство, будто вернулся в детство – в Алмас, к реке Брасо.

– Их раньше было больше? – спросил Уилл.

– Конечно! – ответил граф и принялся вспоминать. – Знаешь, Уильям, когда я был совсем мал, еще мальчишка, то часто видел их там, на горизонте огненного заката. Или в серой дымке утра, когда приходил на реку с удочкой, а они шумели в камышах. Их много было... И никто раньше не удивлялся тому, что из воды могла, например, вылететь рыбина и шлепнуть по лицу. Характер-то у кельпи вредный, своеобразный.

– Быть может, они и перебрались сюда из Алмаса.

– Не исключено, – согласился Филипп. – Тут на полдня пути ни одного поселения, зеленые пойменные луга и много рек. Им здесь раздолье.

– И все же странно, что Вериателюшка слышала мой зов... – Уильям задумчиво сцепил пальцы под подбородком.

– Не стоит недооценивать их возможности. Мне кажется, в их власти появиться из любой реки, озера или даже дождя. Скорее всего, просто твоя кельпи была рождена вблизи Сонного озера. Впрочем, как и та вороная кобыла, самая юная из всех. – И граф хитро посмотрел в сторону резко раскрасневшегося Уильяма, увидел его обескураженное лицо и расхохотался.

– Да я... Ох... господин, это же вилами по воде...

– Да-да. – Филипп с задорным смехом толкнул его локтем.

– Честно признаться, – улыбнулся Уилл, – когда они вышли из воды, я уже мысленно простился с жизнью.

– Да я тоже с тобой попрощался, что уж говорить-то. – Филипп достал платок из подвязанного к поясу кошель и вытер мокрые от смеха глаза. – Наемники с Юга. Высшие маги. Кельпи. Вторая кельпи! И все это за каких-то полгода! Ох, Уильям, откуда ты такой чудной свалился мне на голову? Из какой сказки пришел?

– Из Малых Вардцев, господин, – ответил тот, лукаво сощутив синие глаза.

Филипп вздохнул, набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул. Когда он успокоился, то крепко призадумался и, как показалось Уильяму, даже помрачнел. Чуть погода граф встал с бережка, отряхнул плащ.

– Ладно, пойдем назад в лагерь, Уильям из Малых Вардцев, – произнес он насмешливо, но беззлобно и стал медленно подниматься по скользкой земле на холм.

Лагерь по-прежнему был погружен в сон, и лишь сменные часовые осоловело оглядывали унылые равнины, насколько хватало остроты их зрения. Они непонимающе взглянули на прогуливающихся в ночи господ, хотя виду не показали. Была б их воля, они бы уже спали без задних ног, а не стояли в карауле.

* * *

К рассвету черная туча полностью закрыла небо и извергла из себя дождь. Хлюпая по грязи, слуги заторопились водрузить навес над закипающей в котелках ухой. Два вампира-слуги – Чукк и Грон, – совершенно мокрые, получившие упрек от графа за несообразительность, но довольные, что спасли еду, теперь горячо спорили у полевой кухни.

– Брат мой, – упер руки в бока Чукк, – я тебе повторяю, в уху надо положить окимон!

– Тут рыба тиной пахнет, чуешь? А?

– Ну чую.

– Так окимон только обострит. Не клади его!

– Нет, он, наоборот, уберет запах, – возразил Чукк, подсыпая в кипящую уху травы.

– А вкус? – взмахнул руками Грон. – Вдруг вкус станет хуже, балбес! Ты в первый раз, что ли, готовишь рыбу из тихих илистых рек?

Между тем взбодренный утренним проливнем капитан подошел к котелку. Он потянул носом ароматный пар. В животе у него, как у всякого здорового мужчины, занятого делом на свежем воздухе, тут же громко заурчало. Увидев капитана, спорящие повара одновременно обратились к нему:

– Вот, сэр Рэй, не откажите нам в просьбе!

– Что такое? – спросил гулко рыцарь.

– Попробуйте уху... Вкус тины ушел? – спросил Чукк.

Сэр Рэй взял поданную ему поварешку и прихлебнул.

– Недурно, весьма недурно! Вкусный и наваристый супец выходит. Нет никакого вкуса тины, – ответил он медленно, потом развернулся к слугам. – А что вам самим мешает попробовать?

– У нас вкус приглушен после болезни.

– В детстве переболели, – оправдались в один голос братья.

Вскинув в удивлении свои рыжие брови, рыцарь пошел отдавать приказы, чтобы после завтрака все быстро выдвинулись в путь. Чуть позже из-под навеса слышался ожесточенный стук ложек – это гвардейцы с упоением выгребали уху из мисок, царапая деревянное дно. «О Ямес, прими наши благодарности за столь вкусный завтрак!» – доносилось до ушей Уилла. Он находился подле Йевы, помогая ей уместить разбухший льняник в седельную сумку. Поглядывая на слуг, он тихо спросил:

– Повара-вампиры – это такая шутка?

Графская дочь пряталась под капюшоном и беспомощно наблюдала, как мокнувший рыбацк упаковывает ее вещи.

– Да, звучит странно, – слабо улыбнулась она, вздрагивая от порывов косого дождя. – Ты не поверишь, но Чукк и Грон готовят получше многих людей.

– Но они даже не могут пробовать то, что готовят! – Уилл наконец упаковал все вещи в седельную суму.

– Ну да... Это чудно. Отец тоже до сих пор удивляется!

Разобрав бивуак и взобравшись на лошадей, отряд двинулся дальше. Растянувшись вереницей, всадники ехали поодаль друг от друга, укрываясь под плащами. Зарычал гром; слепя-

щая молния ударила в сухонькое дерево в ста васах от дороги, и оно вспыхнуло ярким костром. Йева вскрикнула, испуганно прижалась к лошади, которая, в отличие от своей наездницы, терпела непогоду стойко, спокойно.

Пользуясь случаем, к сэру Рэю подъехал его оруженосец.

– Господин, – обратился он. Это был невероятно неуклюжий и излишне прыщавый юнец.

– Да, Винсент, что такое?

Попавший в услужение совсем недавно, Винсент еще раз предусмотрительно огляделся. Поскольку все сильно растянулись, а ближайшие всадники были на расстоянии пятнадцати васах, он решил, что его заглушенный хлеставшим дождем вопрос никто не услышит.

– Господин, а вы заметили кое-что? – возбужденно спросил он. – Ведь ни граф Тастемара, ни его дети, ни тот высокий мужчина и даже слуги – они со вчерашнего вечера ничего не ели! А сегодня утром повара даже потребовали, чтобы вы попробовали уху, а сами к ней не прикоснулись. Все они просто смотрели, как мы сидим да жуем! Что уж там, они даже в отхожее место ни разу не отлучались!

– И что здесь такого?

– Неужели это не странно? – удивился мальчишка.

– Нет, – раздраженно ответил рыцарь.

– Но... Я слышал о графе тако-о-ое... – протянул последнее слово Винсент. – Что он не человек... Как и многие из его замка. Неужели это правда?

– А тебе так важно, кем является граф?

– Ну... да, господин. А как же иначе?

На это капитан только резко спросил:

– Винсент, твое брюхо когда-нибудь вспухало от голода?

Оруженосец даже опешил от такого неожиданного вопроса. Он быстренько помотал головой, причем так спешно, что с него слетел капюшон. Чувствуя, как стало заливать за шиворот, юноша торопливо нахлобучил его обратно.

– Знаешь, почему не вспухало? – продолжал капитан. – У нас самые богатые земли в этой области Севера, Винсент! Те, кто севернее, завидуют нашему благосостоянию и сытости. Наши земли постоянно принимают людей из Офурта, Филонеллона и прочих земель Крелиоса – они перебираются к нам со своими пожитками! И какая, демоны тебя побери, разница, кто нами правит? Пусть хоть сами приспешники Граго!

– Но... – попытался возразить Винсент.

– Никаких «но»! Не смей даже рот открывать с таким вопросом! Наше дело простое – служить тому, кто о нас печется. Тебе ясно, дурак? – И капитан подтвердил сказанное грозным взглядом.

Оруженосец спешно закивал, придерживая рукой капюшон, и, покраснев от смущения, сразу отстал от рыцаря. Тут же он почувствовал, как горит его спина, обернулся – и заметил, что на него внимательно смотрит граф Тастемара, не отводя глаз. Между прочим, граф ехал довольно далеко от них всех и слышать ничего не мог, поэтому Винсент пугливо вздрогнул и втянул голову в плечи.

* * *

К обеду распогодилось, и туча лениво уползла на север. Люди в отряде скинули капюшоны, отряхнулись и облегченно вздохнули: эта сплошная и непрекращающаяся череда дождей всех утомила. Леонард, натянув поводья своего гнедого коня, сравнялся с Йевой. Сблизившись с ее кобылой так, что продетые в стремяна сапоги близнецов потерлись друг о друга, он довольно заметил:

– Я рад, что ты поехала со мной, сестра.

– Рады! Рады! – добавил сидящий на его наручах ворон.

– Да, спасибо отцу. Я хотя бы увижу Йефасу, о которой столько рассказывал Гиффард... – И Йева натянуто улыбнулась, закутавшись плотнее в плащ.

Леонард ответил на ее улыбку своей, более залихватской, умудряясь и не обнажать клыки, и продемонстрировать белоснежный ряд передних зубов.

– Смотри, вон там, справа! – указал он пальцем и затем снял притороченный к седлу красивый резной лук. – Наконец-то опробую свой заказ! Три недели назад забрал в городе у Мартилона. Ну, ты его знаешь. Он сделал лук из составных частей, как это делают мастера-глеофяне: тут черный тис, рог и сухожилия. Вот, гляди.

Леонард достал из колчана стрелу. Едва прищурившись единственным глазом, он выждал, глубоко вздохнул и на выдохе спустил ее с тетивы. Подлетевший от этого ворон каркнул – то ли одобрительно, то ли гневно – и вернулся на кожаные наручи. Тетива тоненько зажужжала, и с победным вскриком Леонард направил мерина в сторону от тропы, где, выскользнув из седла, склонился к земле и поднял из гнилой травы жирного зайца.

– Смотри, какой жирок нагулял за лето и осень, а? – Заяц демонстративно был поднят ввысь, и по губам Леонарда скользнула самодовольная улыбка.

Воины Солрага с уважением переглянулись и поздравили графского наследника с удивительно метким выстрелом.

– У вас зоркий глаз и верная рука! – сказал сэр Рэй.

– Глаз! Вкусный глаз! – каркнул ворон.

– Спасибо, сэр Рэй, – ослепительно улыбнулся Леонард, щелкнув птицу по клюву. Где-то сзади, в конце отряда, выглядывала Эметта, пытаясь разглядеть, что происходит с ее любовником. – Мы же с вами родом из горного Филонеллона, а самые меткие лучники, по легендам, обитают именно там.

– Это чистая правда, соглашусь с вами, – хитро улыбнулся сэр Рэй, затем, кинув быстрый взгляд на графскую дочь, добавил: – А еще легенды гласят о том, что самые прекрасные девушки в мире, с глазами цвета изумруда и словно рожденными из пламени волосами, тоже родом из Филонеллона.

Услышавшая это Йева покрылась румянцем и отвернулась, покусывая нижнюю губу. Compliments рыцаря хоть и были просты, но всегда находили отклик в ее сердце.

Леонард закинул зайца в мешок.

– Как тебе выстрел, моя любимая сестра?

– Замечательный, Лео. Впрочем, как всегда. То, что ты будто рожден на коне и с луком в зубах, уже всем давно известно.

– Быть может, ты права... – Леонард на миг обернулся на рыбака. – Все мы рождены для чего-то и с чем-то. Кто-то с мечом, кто-то с луком, а кто-то и с удочкой, – расхохотался он и поправил повязку на глазу. – Кстати, как вам утреннее варево, сэр Рэй?

– Если не вдаваться в гастрономические нюансы, то недурно, – сдержанно улыбнулся тот. – Вчера был хороший улов.

– Ну конечно, как иначе! Рожденный с удочкой в руках никогда не оставит отряд голодным. – Леонард снова посмотрел в сторону рыбака, желая увидеть хоть что-нибудь на его лице.

Но Уилл ехал с невозмутимым видом, отстраненно разглядывая что-то в стороне, будто и не слышал. Тем не менее зоркий наблюдатель, например граф Филипп, который смотрел через плечо, вполне мог заметить некоторые выдающие тревогу признаки. Вцепившись побелевшими костяшками в поводья, черноволосый рыбак пытался не обращать внимания на поддевки. Он уже сталкивался с таким в детстве, но, понимая, зачем это нужно было деревенским юнцам, он не мог взять в толк, почему так же поступает взрослый сын графа. Чем он ему не угодил?

– Вообще-то рыбу ловил я, – вдруг заметил сэр Рэй.

Поначалу Леонард непонимающе уставился на капитана, а чуть позже к нему пришло осознание: то, что казалось остроумным пару мгновений назад, в свете новых обстоятельств выглядело нелепо. Важно кивнув, дабы не растерять достоинства, Леонард поддал пятками коня. В свою очередь, капитан, наоборот, замедлился и задумался. Почему к молодому фон де Аверину так относились, он понять не мог. Хотя и допускал, что слух, будто Уильям – незаконнорожденный сын графа, правдив. Тогда становится понятна эта ненависть Леонарда, а также то, что граф собрал полуэскадрон гвардейцев и выехал посреди ночи, чтобы спасти рыбака из рук солдат Райгара. Однако, вспоминая совет, который он сам же дал своему оруженосцу, сэр Рэй прервал размышления о том, что творится в семье господина. Не его это ума дело!

* * *

Пейзаж подернутых осенью равнин с редкими худыми деревьями, резвящимися речушками, коих хватало в этом крае, и жухлой травой продолжал преследовать путников. Дождь временно прекратился, но мрачное небо, еще затянутое облаками, давило сверху, будто прижимая к земле. Все впали в какую-то общую апатию, ехали молча. Один только Леонард не унывал, а наоборот, чем дальше они отъезжали от Брасо-Дэнто, тем игривее и веселее он становился. Ближе к полудню он и вовсе достал серебристую флейту – и ветер разнес ее сладкоголосую песнь.

Филипп задумчиво смотрел на сына. В его взгляде читалась грусть. Порой, наблюдая за дочерью, он замечал и ее смятение от счастливого вида брата. Леонард еще не знал о том, что после суда граф планирует передать дар Йеве, а вовсе не ему. Опасаясь скандала, Лео об этом не сообщили.

Филипп качнул головой самому себе.

Поначалу, когда Леонард был еще совсем юн, пылок и тщеславен, он видел в нем черты будущего правителя. Ему хотелось, чтобы сын превосходил его самого. Вспыльчивость, бахвальство – все списывалось на молодость в расчете, что со временем это сгладится. Однако Гиффард мнения своего товарища не разделял и, встретившись в последний свой визит с уже взрослым Леонардом, стал осторожно и мягко настаивать, что надо бы подумать о другом наследнике.

Граф перевел взгляд на свою дочь: мягкую, последовательную, лишенную тех тщеславных страстей, которые владели ее братом. Она неплохо справлялась с некоторыми поручениями, касающимися управления... но вот правителем не была. Прежде всего она была женщиной...

Послышался тихий вскрик.

Граф отвлекся от своих мыслей и обернулся. Это Уильям повис под брюхом серой кобылы на перевернувшемся седле и, силясь выбраться, досадно плюхнулся в грязь. Потерявшая наездника кобыла тут же встала. Выбравшись из лужи, похожий на болотного черта, у которых блестят одни лишь глаза, взъерошенный рыбак принялся стыдливо и безуспешно возвращать седло на место. Его седельные сумки, по которым прошли копытами, были вдавлены в грязь, их содержимое испачкалось, а в ножны затекла вода.

Отряд неистово гоготал. Гвардейцы держались за животы, кто-то прикрывал рот, кто-то вытирал от смеха слезы. Громче всех предавался веселью Леонард, и даже Йева хихикала в руку. Еле сдерживаясь, чтобы не присоединиться к всеобщему хохоту, граф Тастемара уже было развернул коня, но его опередили. Капитан гвардии с широкой улыбкой принялся помогать несчастному бедолаге, готовому провалиться сквозь землю от стыда.

– Вы плохо затянули подпругу! – смеясь, сказал он и помог зафиксировать седло. – Вот так ее надо затягивать, чтобы не свалиться.

– Спасибо, – выдавил из себя пунцовый Уильям.

– Вы и верхом не ездили, да? – спросил сэр Рэй, видя, как гость графа неуклюже карабкается на лошадь с правой стороны. – Садятся всегда слева, чтобы не задеть меч. А вы каждый раз бьетесь об него ногой.

– Ездил два раза, недолго... – ответил смущенно Уилл.

– Понятно.

Отряд двинулся дальше. Уильям натянул поводья и остался в хвосте, пропустив даже едущих со всем хозяйственным скарбом слуг, смотревших на него с сочувствием и весельем одновременно. Пользуясь тем, что никто его не видит, бедняга пытался отжать грязь с длинных черных волос и привести в порядок сумки. Но вид у него остался запачканным и несчастным.

* * *

Ближе к вечеру отряд разбил лагерь у безымянной речушки, которая из-за дождей разлилась широко, далеко. Пока гвардейцы приводили в порядок коней, слуги установили навес и колдовали над котелками – иначе как колдовством их споры об ингредиентах и назвать нельзя было. Запахи вареной косули и тушеных зайцев, настрелянных графским сыном, плыли над всей равниной, и нервно облизывающиеся воины постоянно оборачивались и глядели в сторону варева.

– Уильям, предлагаю уединиться, чтобы пофехтовать! – подошел сэр Рэй, тоже приняв хиваясь к ароматам с кухни. – Иначе, во имя Ямеса, я сойду с ума! Есть такие подозрения, что наши графские кашевары ведают о южной магии... Еще не дав в руки миску, они уже превратили меня в захлебывающегося слюнями пса!

– Пойдемте, – ответил Уильям, похлопав Серебрушку – так он назвал свою серую лошадку.

Чтобы скрыться от любопытных глаз, они вдвоем обошли холм. Там сэр Рэй, до сих пор облаченный в доспех, ободряюще сказал: «Ну, начнем-с...» И пока Уилл поудобнее взялся за рукоять, опустив глаза к ножнам, и потянул ее, рыцарь уже стоял подле него с обнаженным клинком.

Сэр Рэй смотрел укоряюще, хотя его карие глаза смеялись.

– Кто ж впериается в меч, когда напротив стоит противник? Вы должны, Уильям, делать это не глядя! Был бы вместо меня реальный враг, голова бы ваша уже катилась по земле. Еще раз!

Он вернулся на исходную позицию, и его сопернику только и оставалось, что судорожно следить за ним. Капитан двигался не то чтобы стремительно, но движения его были непредсказуемы, непонятны и ловки. Отразив один осторожный удар, Уилл неуклюже подставился под другой и запутался в собственных длинных ногах, будто они были чужими. Тут же он потерял равновесие и рухнул лицом в грязь, уронив меч, чтобы успеть выставить руки перед собой.

– Следите за ногами. У вас плохая опора! Любой удар – и вы мало того что открываетесь, так еще и заваливаетесь, – смеялся рыцарь. – Да, это будет сложнее, чем я думал... Ну, вставайте! О, Ямес, да не держите его, как женщину за зад, – это же меч!

Уильяма не ранили, с ним обращались осторожно – капитан был чрезвычайно умен. Но уже примерно через четверть часа рыбак, грязный от кувырков и совершенно обессиленный, сел на камень около речушки. Он часто дышал и смахивал с лица пот замызганной перчаткой. Рядом с ним примостился запыхавшийся, но по-прежнему бодрый рыцарь.

– Ну, меч умеете доставать. Уже хорошо!

– Уделали, как мальчишку, – усмехнулся Уилл.

– Ну так сравнили, ха, – хмыкнул капитан. – При рождении мне вложили в руку меч – в буквальном смысле. Позволь я вам достать меня, это было бы позором!

– Вы родились в семье воина?

– А то! Мой отец тоже был капитаном гвардии.

– И давно вы при графе?

– Так-с, мне сейчас тридцать шесть, а пошел на службу я в возрасте двенадцати лет...

Был сначала младшим помощником командира двенадцатого эскадрона. Ну, это что-то типа оруженосца: рубахи стирать, коня чистить и прочее. А стал капитаном гвардии в возрасте тридцати лет, пройдя весь долгий путь самостоятельно... Ну, почти, – сэр Рэй стал загигать пальцы, – считайте, шесть лет.

– Отец вас не баловал? – Уильям смахнул пот с бровей.

– Он был строг, поэтому определил, куда надобно, а не куда хотел я. И за это я ему благодарен. А что с вашим отцом? – спросил рыцарь. – Кто он?

– Мой отец погиб, когда мне было десять. Он был служителем. Сгорел вместе с храмом.

– Кхм, сочувствую. А что же вы сами не служитель, а рыбак?

– Послушников Ямеса выбирают из самых набожных детей, обычно младших в семье.

А я был как раз младшим, да еще сыном нынешнего жреца. Но не срослось – учудил... – развел руками Уилл, и его синие глаза хитро блеснули.

– Что натворили?

– Разрисовал тотем Ямеса угольком из костра в пять лет. Ну, кхм, рожицу своего старшего брата накалякал... Не со зла, конечно, но в послушники выбрали не меня, а сына соседки – Робера.

Сэр Рэй Мальгерб рассмеялся и стал снимать с себя доспехи. Уилл уловил исходящий от него остро-кислый запах, заставляющий сморщить нос. Уже не в первый раз он замечал, что острое обоняние – это не всегда хорошо.

«Если его отец был служителем, значит, он не внебрачный сын нашего графа», – между тем подумал рыцарь, и от этого ему стало как-то спокойнее на душе.

– Не вы один такой бунтарь! – усмехнулся он. – Я тоже, Уильям, как-то от отца хорошо выхватил. Едва не потерял свое место на службе.

– Что же вы устроили?

– Когда получил сведения из дозора у южных границ с Глеофом о том, что там собираются войска, я решил, что на нас собираются нападать. Думал, нужно как можно быстрее доложить обо всем графу. Молодой был, дурной, чего там, – двадцать мне стукнуло.

– Ну и... – непонимающе посмотрел Уильям.

– Что «ну и»... Ну и поперся я напрямиком в замок. Болваны на решетке меня пропустили, посчитав, что я записан на аудиенцию. Так я и бродил меж этажей, пока слуги не показали, где кабинет графа, куда я, собственно, и вломился!

Уильям рассмеялся, представив себе эту каверзную ситуацию.

– Да-да, господин внимательно меня выслушал, кивал, соглашался, потом спровадил со слугами, – гулко захохотал рыцарь. – Я думал, что все серьезно, – правда, он улыбался все время... А потом оказалось, что и не войска то были, а пара калек, таких же дозорных, бродили туда-сюда.

– Граф наказал вас?

– Нет, что вы. Ха-ха, меня наказали все, кроме графа! Отец по шее тогда вломил, мой командир разжаловать хотел. Но отмазали. А вот тех, кто донес неверную информацию, а еще охрану у замка – тех поменяли. Досталось им!

Оставшись в красном подлатнике, сэр Рэй снял вонючие сапоги, вытряхнул из них попавший туда сор и надел снова. Потом взглянул на Уильяма и заявил:

– На самом деле у вас весьма недурные задатки для меча!

– Шутите, – не поверил Уильям, счищая с себя прилипшую траву. Впрочем, безуспешно: тут нужно было идти окунаться в реку целиком, вместе с одеждой.

– Не шучу. Все сильнейшие фехтовальщики, которых я когда-либо видел, были высокими, длиннорукими, крепкого телосложения. А вы так-то повыше многих будете! С мой рост!

Уильям нахмурился, задумавшись. Потом его озарило.

– Это дает такое большое преимущество?

– Конечно! В фехтовании это решающий фактор. Даже опытному будет тяжело против новичка, если тот на полторы-две головы выше. Именно поэтому отбор в гвардию такой жесткий. Я думаю, вы заметили, что тут все как на подбор рослые, крепкие мужики. Такие, что и копыто в грудь переживут. Задохликов не берем!

– Кстати, сэр Рэй, мой нос подсказывает мне, что повара закончили готовить, – принял Уильям, и до него действительно донеслись запахи с полевой кухни. – Там уже вовсю стучат ложками, слышите?

– Хм. Ничего не чувствую и не слышу, – заявил капитан, потом покосился на собеседника. – Чуткий же у вас нос и острый слух, уважаемый Уильям. Тогда пойдемте быстрее в лагерь! Я голоден, как демон Граго до душ!

– Пойдемте. Спасибо за уроки.

– Не благодарите – мне все равно нечем заняться. Быть может, по возвращении из Йефасы вы уже так приловчитесь, что станете достойным соперником. Ладно, – он спохватился, – не сказать что достойным, но хотя бы не безнадежным увальнем.

– Благодарю за откровенность! – улыбнулся Уильям.

– А вот за это всегда пожалуйста! – заторопился рыцарь, оскалившись белоснежными зубами.

И правда, в лагере сэр Рэй Мальгерб увидел, как его воины ожесточенно стучат ложками по дну мисок, выгребая все до последнего куска. Рыцарю не пришлось долго ждать, и, получив горячую порцию от оруженосца, он присоединился к трапезе. Уильям же стоял у края лагеря, чумазый и облепленный высохшей грязью, и рылся в седельном мешке в поисках чистой одежды. Читающий какую-то книгу граф время от времени кидал на него любопытные взгляды. Леонарда с Эметтой не было на месте, и, вполне возможно, они уединились где-то меж холмов.

* * *

Отыскав полный набор чистых вещей и холстину, Уильям побрел вдоль широко разлившейся реки. Иногда в стороне то тут, то там встречались вздыбившиеся к небу одинокие камни. Некоторые из них имели причудливые формы, что всегда в беспокойных умах посреди ночи рисует образы чудищ. Вон тот камень слева, высокий, тонкий, в полтора васа, изогнут так, будто готовится к хищному прыжку с холма.

Успокаивая себя, что он сам, в общем-то, чудовище и подобных ему теперь нет смысла остерегаться, Уильям подошел к кромке реки и оглянулся. А когда удостоверился, что опасности нет, разделся. Река в этом месте была глубока – быстро подступила выше груди. Вода холодила, и, стараясь как можно скорее закончить, Уилл окунулся, смыл грязь с волос. Все-таки, какими бы спокойными ни были равнины, что-то в них пугало... Они казались неживыми, демоническими, не желающими, чтобы посторонние топтали их землю своими ногами.

Тут о его ступню что-то потерлось. Он вздрогнул. Рыба? Нет, нечто провело по бедру, в паху, потом на миг скользнуло по спине. Ледяной страх сдавил его. Ничего не видя под собой из-за мути, Уильям уже изготовился броситься к берегу, но из воды показалась обрамленная черными волосами макушка – и на него взглянули немигающие голубые глаза демоницы.

– О Ямес, это ты!.. – схватился за сердце Уилл и шумно выдохнул, успокоившись. – Вериателюшка, ты меня едва в могилу не загнала!

Ее нижняя половина лица оставалась в реке, отчего тинистая вода заливалась в ноздри, в приоткрытый рот. Уилл протянул руки, чтобы приобнять свою любимую демоницу, но та разогнулась и, обойдя его, вдруг резко толкнула в спину по направлению к берегу.

– Что такое?

Снова толчок.

– Да погоди. Я же не помылся до конца... Погоди, душа моя!

В ответ толчки только усилились, да так, что Уилл едва не рухнул в мутную воду, споткнувшись обо что-то. Препятствие, о котором он запнулся, неожиданно зашевелилось. Кто-то или что-то продолжало касаться ног, живота и спины. Побледневший рыбак уже сам ринулся из воды, высоко вскидывая ноги, пока Вериятель постанывала и рычала будто в никуда.

Выбравшись на берег, он обернулся и обнаружил, что его демоницы и след простыл. Зато чуть рябая от сильного ветра поверхность взволновалась. Река ожила. Что-то шевелилось в ней, бурлило, словно множество змей скользили друг по другу, сплетаясь в клубок. И так по всей глади реки, куда доставал взор. Слева, в десяти васо, появилась то ли спина, то ли что-то еще: гладкое и черное, округлой формы. В то же мгновение оно скрылось от глаз, а темная вода вновь стала спокойно-безмолвной.

Уильям спешно оделся и с ворохом грязной одежды, босой, держа в руках сапоги, вздохмаченный и мокрый, бегом направился к лагерю.

На месте ночлега оживленный народ то штопал какие-то вещи, то чистил лошадей. Кто-то готовился ко сну, а кто-то увлеченно переговаривался меж собой.

– Ну и как водичка? – спросил капитан, заведя возвращающегося рыбака. – Можно обмыть ноги?

– Нет, не надо там купаться!

Мимо них к реке прошел слуга Чукк с котелком, чтобы вычистить его. Уильям кинулся к нему со словами: «Не ходите туда, стойте!» Все уставились на него, перепуганного. Своим видом он всем внушил тревогу. Даже ласково мурлыкающий со своей служанкой Леонард – и тот подскочил на ноги, вслушался. Филипп поднялся с лежанки, приблизился и разглядел, что прибывший не до конца обмылся, что глаза у него мечутся, а в руках он держит ком нестираных вещей вместе с обувью.

– Что там было? – резко спросил он.

– Не знаю... – ответил рыбак. – Что-то коснулось меня, а потом появилась *она*... вы знаете о ком я... *Она* выгнала меня из воды и, пока мы шли к берегу, все огрызалась и шипела. Река словно ожила и зашевелилась... или в ней что-то зашевелилось... либо большое, либо множество мелких...

– Собирайте лагерь! – тут же скомандовал всем граф. Потом обратился к капитану уже тише: – Кто-нибудь собирался к реке?

– Двое. Аурит и мой оруженосец, – хмуро ответил сэр Рэй.

– В какую конкретно сторону ушли? – затребовал граф.

Капитан показал пальцем вправо, в сторону, противоположную той, откуда вернулся рыбак. Тогда, схватившись за ножны, Филипп посмотрел на всех вокруг.

– Оставайтесь здесь! А ты, – сказал он Уильяму, – вот ты как раз пойдешь со мной. Сворачивайте лагерь, я сказал! Всем держаться вместе, выставьте охрану с оружием наготове, чтобы после моего возвращения тронуться в путь!

– Но как же вы одни... – сделал к нему шаг капитан.

– Я вам что приказал, сэр Рэй? – рявкнул граф. – Пойдете за мной – лишитесь головы. Лично отрублю за неповиновение!

Он развернулся и скорым шагом двинулся к холму. А за ним, натянув сапоги, побежал неуклюже держащий меч Уильям. Под покровом ночи они миновали возвышенность, откуда до реки оставалось каких-то пятьдесят васо.

– Если что-нибудь вылезет, руби без раздумий, – предупредил Филипп, осторожно оглядываясь по сторонам.

– Вы знаете, что было в реке?

– Догадываюсь, – мрачно ответил граф.

Их сапоги проваливались в жижу – берег с западной стороны был пологим и потому совсем заболоченным из-за долгих дождей. Вокруг ни души: ни Аурита, ни Винсента... Филипп медленно, осторожно переступая в грязи, направился куда-то в сторону с мечом наготове.

Последовав за ним, Уильям пригляделся и заметил что-то блестящее васа в тридцати. Вода доходила уже до щиколоток, ноги вязли и неприятно чавкали. Вокруг стояла такая тишина, будто равнины сами обратились в слух, выжидая. Граф Тастемара поднял золоченую фибулу в виде ворона – украшение второго капитанского плаща, низ которого должен был отстирать Винсент. Недалеко от фибулы, за остатками камыша, виднелся из воды и сам приотпленный черный плащ.

– Они мертвы? – спросил Уильям, понимая, что задал глупый вопрос и уже знает на него однозначный ответ.

– Да, – кивнул Филипп.

– Кто это был, господин?

– Пойдем отсюда, поговорим потом.

Они начали возвращаться. Уже на середине пути, на верхушке холма, граф резко развернулся и всмотрелся вдаль. Затем он схватил Уильяма за плечо, чтобы тот обернулся.

Река, живая, опять вспучилась. Из нее показались гладкие спины десятков, сотен, если не тысяч тел, что потирались друг о друга. Когда рыбак понял, что *это* тогда касалось его в воде, он побелел как полотно.

– Это одно существо, – сказал граф, показывая острием меча на колышущуюся реку. – Не знаю, как его называли в древние времена, но в местных легендах оно зовется ехидной. Судя по всему, очень старая тварь, вон до каких размеров вымахала. Хитрая и осторожная. Даже я не слышал ее...

– Как же она здесь очутилась?

– Не знаю. Вероятно, добралась по речной системе, которая протягивается на сотни миль и связывается во время половодья с болотом. Возвращаемся. – Он потянул рыбака за рукав. – Твоя кельпи спасла не только тебя, но еще и всех людей, что собирались пойти к реке перед сном.

– Но тех двоих уже не спасти... – с сожалением проговорил Уильям.

– Да, – только и ответил граф.

Когда они подходили к лагерю, Уилл поинтересовался:

– Зачем вы взяли меня с собой, господин? От меня помощи как от козла молока.

– Потому что о тебе печется кельпи, иначе бы тебя уже доедали в реке, – вздохнул Филипп и продолжил: – Этой твари здесь раньше не было, а между холмов, там, дальше, много южнее, располагалось несколько крупных поселений: Панриум, Черная Болотовка. Больше трехсот лет назад вожди этих поселений все как один перестали мне отчитываться. Я тогда взял с полсотни конников и выдвинулся в эти края.

– Поселения опустели?

– Да, просто дома с выбитыми дверьми. Все деревни располагались возле реки. Видимо, эта тварь пришла с болот и почуяла, что здесь есть пища. Тогда мы заночевали в одном поселении, не понимая, куда все пропали. А ночью выползла она... или оно... даже, наверное, они... Действовали как огромный единый разум, потащили в реку и коней, и людей, обвиняясь вокруг них. Мы тогда едва спаслись... Я и десять конников. – Филипп остановился и оглянулся. Впрочем, ночная река уже скрылась от его взора. – После того случая я запретил людям селиться

здесь, перенаправил всех купцов на новый тракт – Западный. А ехидна вернулась в свои топкие болота. Да, иногда пропадают одинокие гонцы, но в целом на протяжении двух-трех веков все мелкие поселения, которые здесь появились, жили спокойно, хоть и бедно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.